

Революция-2005: **национальный рост или национальная катастрофа**

Доклад Фонда «Территория будущего»

Москва
2003

В ноябре 2003 года в Москве Фонд «Территория будущего» представил доклад «Революция-2005: национальный рост или национальная катастрофа. Опыт научно-публицистического исследования», подготовленный группой авторов в следующем составе: Дмитрий Шушарин (член правления Фонда, руководитель авторского коллектива, кандидат исторических наук), Василий Жарков (исполнительный директор Фонда, кандидат исторических наук), Дмитрий Петров (главный редактор журнала «Сообщение»). Обсуждение доклада открыло цикл научных семинаров Фонда «Территория будущего». Ниже приводится текст доклада, учитывающий замечания и рекомендации, высказанные в ходе обсуждения, в котором приняли участие главные редактора печатных и сетевых СМИ, ученые и эксперты.

Введение

Чуть больше года остается до столетия первой русской революции. На первый взгляд, к этой дате Россия подходит страной, не имеющей ничего общего с Российской империей начала прошлого века. Но общественные противоречия, приведшие к первой русской революции, на самом деле, не разрешены до сих пор и могут привести к результатам не менее трагическим, чем русская смута 1905 года. Если история повторяется, то это уже не фарс. Броская фраза Маркса, решившегося немного подправить Гегеля, в сущности, оскорбительна для целых поколений людей, имеющих право на собственную историческую трагедию. Мы полагаем, что именно сейчас, более чем за год до грядущего юбилея, следует обратить внимание на те стороны общественно-политического развития страны, которые могут привести не к фарсу, а к трагическому повторению истории, уроки которой никогда не усваиваются.

Целью данного доклада является, не призыв к революционному действию, а, напротив, предостережение. Это обращение к тем, кто может стать конструктивной контрреволюцией, той общественной силой, тем политическим субъектом, который способен стабилизировать ситуацию в стране в ближайшие годы. С тем, чтобы в очередной раз русская смута не закончилась традиционалистской реакцией.

За последние десять-пятнадцать лет в общественном сознании утвердились два клише. Первое: экономический рост – это хорошо. Второе: революция – это плохо. Мы вовсе не считаем их неверными, мы лишь за то, чтобы не рассматривать и рост, и революцию абстрактно, в отрыве от конкретного исторического содержания и того, и другого. Предметное же изучение содержания и последствий экономического роста и революций в различных странах приводит к выводу, что рост может приводить вовсе не к стабилизации, а революция, оказывается, не всегда деструктивной. Все зависит от того, кто, когда и при каких обстоятельствах останавливает смуту, стабилизирует общественную жизнь и в результате – пользуется достижениями революций, могильщики которых и становились ее наследниками.

К возможным наследникам той революции, о вероятности которой мы предостерегаем, и обращен этот доклад. При отсутствии в стране гражданского общества, которому предстоит еще сложиться, решения в его интересах придется принимать социально ответственной части общества нынешнего, именующей себя элитой.

Экономический рост как исторический вызов

После того как была провозглашена «триада Путина»: удвоение ВВП – борьба с бедностью – модернизация армии, **само понятие «экономический рост» стало культовым.** То есть не подлежащим ни обсуждению, ни анализу. Никто не задается вопросами об источниках этого роста, его смысле, последствиях, а главное – о том, кто и в какой форме пожнет результаты удвоения. Рост «по умолчанию», аксиоматично воспринимается как абсолютное благо для страны и ее граждан. «Триада Путина» остается пропагандистской, а не программной, ибо программа предусматривает

определение не только целей, но и средств их достижения, а также осознание смысла самих целей. В речах политиков появился новый оборот «президент поставил задачу удвоить ВВП», но никто не может ответить, почему удвоить, а не утроить. Во имя чего? Что из этого удвоения следует? Кто воспользуется его результатами?

Молчание в ответ на эти вопросы свидетельствует, что лица и структуры, управляющие страной, не отдают себе отчета в том, что наблюдаемый экономический рост – это исторический вызов. Они не понимают, что рост является не средством чудесного автоматического решения всех национальных и социальных задач, а источником повышенной напряженности, фактором риска и неопределенности, а при неблагоприятных обстоятельствах может стать и угрозой стабильности. Рост – это вовсе не заполнение неизвестно где находящихся «закромов родины», а повседневное, ежеминутное усложнение реальности, о каких бы сферах жизни ни шла речь, а значит и усложнение задач управленческих, властных, стратегических. От людей во власти требуется все более высокий уровень интеллекта и обучаемости, владение современными управленческими технологиями, ускорение оперативных решений при неизменной ясности стратегического видения процессов.

Экономический рост сам по себе не является залогом социального спокойствия, более того, он может создавать диспропорции, приводящие к крайнему обострению общественных отношений. Если внимательно приглядеться, всем революциям нового и новейшего времени предшествовал не хозяйственный упадок, а именно экономический рост и сопутствующие ему проблемы. Именно так обстояли дела сто лет назад, когда российская модернизация стала очевидным фактом.

Социальные ожидания и реальность

Население России разделилось в своих оценках нынешнего положения дел и перспектив их развития. Как показывает опрос Аналитической службы Всероссийского центра изучения общественного мнения" (ВЦИОМ-А), проведенный в конце сентября 2003 года, половина россиян - 51% - уверена в том, что в течение ближайшего года никаких улучшений их жизни не произойдет. Оптимистично смотрят в будущее четверть респондентов - 25%, а чуть меньше - 24% - затрудняется дать прогноз. Правда, большинство наших сограждан - 63% - считает маловероятной в настоящее время возможность массовых выступлений населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав. Противоположной точки зрения придерживается лишь 20% опрошенных. И почти столько же (19%) готово лично выйти на улицу со своими требованиями. 16% не определились в этом вопросе и составляют некий резерв социальной активности

Готовность пятой части взрослого населения к политическим акциям – это очень высокий показатель, тем более что в данном исследовании участие в общественных выступлениях связывалось исключительно с экономическими показателями. Между тем, **общественные конфликты далеко не всегда имеют простую экономическую мотивацию по принципу «экономический упадок – социальный кризис». Рост не в меньшей, если не в большей степени чреват резким обострением общественных противоречий.**

Резкое изменение ролевых функций у значительной числа населения, даже если это изменение имеет позитивный вектор, создает социально-стрессовую ситуацию. В развитых странах, уже прошедших стадию модернизации, это происходит в рамках уже устоявшихся стандартов поведения, образа жизни, системы ценностей и нормативности. В России же, в стране, где в течение столетий наблюдается **феномен догоняющей модернизации, никак не становящейся модернизацией опережающей**, рост связан с изменениями основ жизнеустройства, систем ценностей и нормативности. Это последствия экономического роста в социуме, который может быть назван **посттрадиционным** – уже вышедшим из традиционной стадии, но до конца не модернизовавшимся. И из любого кризиса здесь выхода – либо традиционалистская реакция и последующая догоняющая модернизация (самый яркий пример – октябрьский

переворот 1917 года и преобразования рубежа 20-30-х годов), либо переход к опережающей модернизации.

Экономический рост приведет к обострению социально-психологической напряженности у значительной части населения, к усилению фрустрации, к еще большему, по сравнению с началом девяностых годов, разрыву меж ожиданиями и реалиями.

Он будет происходить в социально разреженном обществе, еще не преодолевшем тоталитарную атомизацию, **лишенного механизмов социальной защиты, общественной солидарности, интегрирующих ценностей.** Важнейшим фактором российской общественно политической жизни становится то, что миллионы людей, подобно герою Башевиса Зингера, живут с одним чувством: «всем нам предстоит сыграть свои маленькие роли и быть раздавленными».

Российские факторы риска

Главный российский фактор риска – это ценностная и нормативная недостаточность. Прибегая к терминологии Макса Вебера, надо признать: у России нет идеальных образов – власти, страны, нации. А значит, и нет тех противоречий – меж действительным и должным, реальным и идеальным – которые в иудео-христианской цивилизации играют роль «разности потенциалов», побуждают к личному, общественному, историческому развитию. И, прежде всего, к личному успеху, к обустройству своей частной жизни. Общий образ национального будущего может сложиться лишь в стране, где у людей есть ясность с тем, как будет строиться их собственная частная жизнь. Мы наблюдаем явный кризис нормативности, отсутствие интегрирующих ценностей, жизнь без общего образа будущего, формирующего, по словам Ортеги-и-Гассета, нацию: «Право на политическое единство дается не прошлым — древним, традиционным, фатальным, неизменяемым, а будущим, определенным планом совместной деятельности. Не то, чем мы вчера были, а то, чем все вместе завтра будем, вот что соединяет нас в одно государство».

Этот фактор риска значительно усиливается другим – **государственной недостаточностью.** В стране, где «правительство было единственным европейцем», где отсутствие гражданского общества компенсировалось цивилизующей функцией государства, его опережающим развитием, последние годы происходят тревожные процессы. Мы наблюдаем **технологическую деградацию власти и рост замкнутости правящих группировок, которые можно назвать реваншистскими, ибо они являются носителями традиционалистской реакции на модернизационные процессы последних десятилетий.**

За последние четыре года во власти образовались управленческие группировки, сформированные по земляческому и ведомственному принципу, что напоминает времена Брежнева с его днепропетровцами и сослуживцами. Возникают ассоциации и с кратким периодом правления Андропова, чей пример доказывает неспособность выходцев из спецслужб даже не к решению, а к постановке и к пониманию стратегических задач общества.

Государство резко ограничивает вертикальную социальную мобильность. Ныне карьера во власти и оценка деятельности политика и чиновника не зависят от результатов его деятельности, от его способностей и рвения – гораздо более надежной гарантией является мелкий компромат, делающий человека управляемым, да стукаческое прошлое. Управленческий инфантилизм, особенно свойственный выходцам из спецслужб, никогда не умевшим работать с информацией и СМИ, не владевшим технологиями современного менеджмента, очевиден во многих сферах общественной деятельности и в различных регионах страны. Весьма показательно, что основные силы власти направлены на борьбу со средствами массовой информации, на их примитивизацию и депрофессионализацию. Вызвано это тем, что информационные и коммуникационные технологии слишком сложны для нынешних госуправленцев. Примитивизируется и

партийная жизнь. Некоторое оживление вносит лишь борьба между различными властными группировками. Другой объект ненависти – крупные компании, пошедшие по пути финансовой прозрачности и модернизации менеджмента.

Отрицательная селекция привела к тому, что интеллектуальный потенциал нации оказался отчужденным от власти, а профессиональный и человеческий уровень людей во власти становится ниже уровня развития общества. Государство слабеет – прежде всего интеллектуально - и становится все менее способным адекватно отвечать на вызовы времени – экономический рост и усложнение жизни общества.

Главный парадокс тоталитарных режимов в том, что власть в них отчуждена от государства. Да, государство священо и неприкосновенно, но именно поэтому оно лишено повседневной «земной» субъектности, его влияние на повседневную жизнь таинственно и непонятно, а жизнь скрыта от него самого, Все тоталитарные режимы непрозрачны для своих вождей, в них нет даже элементарной статистики, достойной доверия. И потому осуществление реальной власти – необычайная загадка.

Признаки такого отчуждения, признаки **потери государством субъектности** стали проявляться в последнее время в России. Начало прямого участия силовых структур в захвате и переделе собственности сделало этот процесс очевидным. Государственная субъектность стала размываться по мере того, как **основным содержанием деятельности государства стал передел собственности в ущерб реформам**. Представители крайней демократической оппозиции уже говорят о том, что власть сознательно взяла курс на дестабилизацию. Однако вызывает сомнения сама способность к сознательным действиям государства, отношение к которому населения становится все более тревожным. Как показало исследование Фонда «Общественное мнение», проведенное осенью 2003 года, 43% опрошенных уверены в том, что **нынешнее состояние правоохранительных органов представляет для них реальную угрозу**. А 39% хоть и не видят угрозы для себя, тем не менее, считают «органы» коррумпированными.

Оба эти фактора риска существенно усиливаются **региональными и отраслевыми диспропорциями** в развитии страны.

Важнейшим фактором риска является **концентрация экстремизма** – и в организационном, и в идейном, и в эстетическом плане. Русская смута начала прошлого века проходила на фоне впечатляющих экономических успехов. Более того, существовал тогда современная социология, она наверняка фиксировала бы мирные настроения среди преобладающей части населения. Но был другой индикатор общественного нездоровья – **отсутствие в обществе должного уровня нетерпимости к экстремизму**, доставшееся в наследство со времен революционных демократов.

Русская общественно-религиозная мысль, литература, журналистика начала века выказывали полное отсутствие эстетического иммунитета к экстремизму. Героизация терроризма в годы «Народной воли» перешла в его эстетизацию в начале XX века. Общественное мнение не только не отторгло экстремизм – оно производило его в ранг одного из высших достижений мысли и культуры. Нечто подобное наблюдается и в современной России, где **политический экстремизм не только не отторгается интеллектуальным и культурным сообществом, но и прямо им поощряется**.

Уместна и другая параллель – с азефовщиной. Не только богема, не только культурный истеблишмент вводили террористов в свой состав, но и спецслужбы царской России делали из них участников политических игр. **Для России всегда было характерно сращивание спецслужб с политическим экстремизмом**. Иначе никак нельзя характеризовать игры, ведшиеся еще со времен «Народной воли», продолжившиеся с Азефом и Малиновским. И ныне мы располагаем значительным числом косвенных свидетельств сотрудничества спецслужб с экстремистскими группировками, начинающегося с внедрения агентуры и заканчивающегося прямым контролем.

В данном случае могут сойтись две силы: движение различных, прежде всего молодежных социальных групп к экстремизму и стремление властных группировок использовать внесистемную оппозицию.

Среди факторов, способствующих росту экстремизма, прежде всего молодежного, в первую очередь выделяются:

- постоянно увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными;
- невостребованность и маргинальность значительной части интеллектуалов;
- неясность перспектив карьерно настроенной части молодого поколения;
- рост насилия в обществе, все более частое применение насилия как способа разрешения частных и межгрупповых споров, в том числе со стороны государства;
- статичность и замкнутость старой элиты, ее неадекватность в восприятии собственной миссии и роли;
- неспособность правящей властной группировки отвечать на стоящие перед страной вызовы, потеря субъектности власти;
- наличие социальных сил, готовых заменить или пополнить собой действующую элиту.

Нарастающую опасность представляет фрустрация молодежи. Поколение сегодняшних семнадцатилетних, по данным социологических опросов в большей степени ориентировано на личный успех: по данным некоторых социологических исследований, проводившихся в конце 2002 года, 77% россиян в возрасте 16-17 лет нацелены на индивидуальный карьерный и социальный рост.

Между тем, крупные компании России на сегодняшний день не нуждаются в дополнительных кадровых ресурсах. Новых рабочих мест в сфере крупного бизнеса не предвидится, напротив, руководители сырьевых гигантов говорят о возможном сокращении существующего персонала до 40% (в условиях наметившейся передачи крупных российских компаний западному капиталу этот процесс может пойти гораздо быстрее). Возможности массового создания рабочих мест вне крупных компаний на сегодняшний день отсутствуют. Не стоит также забывать, что в ближайшие два года во взрослую жизнь должно вступить поколение демографической волны второй половины 80-х годов. Ситуация, сложившаяся сегодня в экономике и социальной сфере, ставит под вопрос их успешную социализацию. Большинство сегодняшней учащейся молодежи **может оказаться списанным практически в полном составе.**

Для значительной части молодого поколения России нынешняя ситуация оставляет три пути:

- **деклассироваться**, отказаться от активной социальной жизни (вплоть до суицидов, по числу которых Россия занимает одно из первых мест в мире);
- сделав ставку на **индивидуальное выживание**, любыми способами добиваться инкорпорирования в верхние слои общества (реально такой путь доступен единицам);
- выбрать **тотальное внесистемное противостояние существующему порядку**. Именно последний выбор может оказаться достаточно массовым. Разочаровавшиеся карьеристы, осознавшие тщетность своих усилий индивидуалисты – вот питательная среда возможного социального взрыва, его движущая сила

Как результат, радикализация (на определенном этапе лавинообразная) активной части молодежи, способной на самые решительные действия. Это, если угодно, горючий материал, топливо любой социальной революции.

Другим ее резервом является накапливающий недовольство средний слой силовых ведомств, современных «стрельцов», могущих стать как резервом системных внутрибюджетных распрей, так и самостоятельной внесистемной оппозицией.

Внесистемная оппозиция-2005

При планировании, подготовке и реализации стратегических, долгосрочных и масштабных операций, имеющих целью извлечение политической и иной выгоды из ситуаций социальной нестабильности, лица, службы и организации, участвующие в такого рода операциях часто используют такой инструмент, как «внепарламентская (внесистемная) оппозиция».

В то время как многие ключевые группы интересов

- крупные и средние предприниматели,
- бюрократия,
- организованная преступность,
- рабочий класс,
- специалисты,
- порой - интеллектуалы

в той или иной мере имеют *представительство* в органах власти, включены в *систему* распределения социальных благ, перспектив и имущественных преимуществ, существует категория групп интересов, не представленная во власти, не включенная в систему распределения преимуществ, но обладающая рядом иллюзий относительно возможности такого включения.

Имеются в виду следующие группы интересов:

- люмпенизированные слои;
- безработные;
- низкооплачиваемые представители рабочего класса;
- низкооплачиваемые категории служащих;
- студенты вузов, средне-специальных и технических учебных заведений;
- пенсионеры/инвалиды;
- представители артистической среды;
- порой – интеллектуалы.

Важными характеристиками указанных групп являются:

- **Высокая степень социальной уязвимости:** материальное благополучие, занятость и социальная включенность этих людей ничем не обосновано, не гарантировано и не защищено, как и их здоровье, а часто и жизнь. Они абсолютно точно отдают себе в этом отчет, и чувствуют себя жертвами несправедливости.
- **Низкая степень связанности различными социальными контрактами:** как правило, эти люди не связаны крепкими узами с работодателями, а семейные связи и нормы поведения, диктуемые семьей в их случае сильно ослаблены или нивелированы.
- **Сравнительно высокая мобильность:** в силу крайне слабой связанности социальными контрактами, представители этой группы весьма мобильны и могут свободно перемещаться в столицы, а также в условиях города или региона, или с одного рабочего места на другое. То же касается и учебы, и места жительства, и личных связей (неформальных групп общения).
- **Повышенная невротичность, реактивность, нетерпимость и агрессивность:** многие из представителей этой группы страдают теми или иными нервными расстройствами, психозами или неврозами в более или менее явной форме. Часто это проявляется в неспровоцированной агрессивности, неадекватной реакции на вполне нормальные слова или действия в их

отношении. А также агрессивность, вызванная желанием присвоить собственность других граждан.

- **Заинтересованность в быстром получении материальных благ (пусть даже краткосрочных):** это легко интерпретировать, как готовность в случае безнаказанности украсть или организованно пограбить. Иными словами, в ситуации массовых беспорядков, городского мятежа и т.п. эти люди не будут испытывать никаких внутренних преград перед присвоением чужой собственности – безразлично: государственной, корпоративной или личной собственности граждан.

- **Потребность в социальной реабилитации:** большинство представителей перечисленных подразделений группы социально-уязвимых внесистемщиков испытывает серьезные внутренние невротические реакции в связи со своим социальным положением, бедностью и отсутствием перспектив. Особенно на фоне сравнительного благополучия среднего класса и элит. Им присуще стремление искать виноватых в их социальной несостоятельности, и в качестве таковых они называют *государство; правоохранительные органы; школу; «богатых»; родителей; «начальников», «инородцев».*

- **Очень низкая степень социальных ожиданий:** как показывает опрос Vox Populi, выпускники ПТУ, среднетехнических учебных заведений или простых школ (особенно – в провинции и сельской местности) **не видят никаких реальных карьерных перспектив.** Что же касается меньшинства, то оно их видит и высказывает соответствующие пожелания, но **слабо верит в их реализуемость**, даже в тех случаях, когда прибывает в Москву для получения высшего образования или в поисках работы. То же касается и выпускников городских средних школ, технических колледжей и лицеев и других средне-специальных учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга.

- **Наличие социальных иллюзий:** в частности, значительное количество перечисленных выше подразделений группы интересов, которую можно было бы обозначить, как группу социально-уязвимых, считают, что **приложение организованных усилий может изменить их положение.** На вопрос: «что делать?» они, как правило, дают весьма неопределенный ответ типа: «да всех разогнать этих сволочей». Довольно часто звучит и предложение «расстрелять этих подонков».

Эти и ряд других характеристик делают указанные группы интересов легко управляемыми, а их энергию – сравнительно легко канализируемой в направлении внесистемной, внепарламентской оппозиционной активности. Возможность такого использования повышается пропорционально развитию кризисов и росту социальной нестабильности.

На протяжении XX века внесистемный, внепарламентский активизм многократно и довольно успешно использовался теми или иными более или менее открытыми группами интересов и представляющими их организациями.

Примеры:

ГЕРМАНИЯ

Организации	Группы интересов, явно или предположительно выступавшие в качестве заказчиков
НСДАП (в допарламентский период)	военная каста, генеральный штаб рейхсвера
различные ответвления	спецслужбы, «мирные», «экологичные»

левого, антивоенного, экологического, контркультурного студенческого/молодежного движения (по сей день)	отрасли экономики
террористические организации. Прежде всего - РАФ (вплоть до самороспуска)	спецслужбы, арабские экспортеры нефти

ИТАЛИЯ

Организации	Группы интересов, явно или предположительно выступавшие в качестве заказчиков
фашистская партия (до прихода к власти)	аристократия, финансовый бизнес (*)
постфашистские организации при Республике	финансовый бизнес
левое молодежное/студенческое движение	спецслужбы НАТО, СССР, высокотехнологический бизнес, партийная бюрократия левых партий
террористические организации; прежде всего – «Красные бригады», «Передний край», «Борьба продолжается»	спецслужбы НАТО, СССР, ООП, государственная бюрократия

(*) Конечно же, и в этом случае, и во всех остальных, группы интересов обозначены обобщенно, поскольку, не являясь организациями, не едины и в своих предпочтениях. Очевидно, что и среди итальянских аристократов были те, кто ненавидел Муссолини, а среди банкиров – убежденные антифашисты

ФРАНЦИЯ

Организации	Группы интересов, явно или предположительно выступавшие в качестве заказчиков
левые и правые (кагуляры) радикальные группы довоенного времени (особенно периода Народного фронта)	СССР, нацисты, определенные отрасли промышленности
ОАС (период войны в Алжире)	бизнес, заинтересованный в сохранении Алжира и вообще – колоний, в составе Франции, военная каста, государственная бюрократия, спецслужбы НАТО.
левое молодежное/студенческое движение	спецслужбы Китая, СССР, НАТО в частности – силы заинтересованные в устранении генерала де Голля с политической арены, и смягчения антиатлантического фрондерства Франции

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

В США - это, безусловно, СДО (SDS) – «Студенты за демократическое общество» - крупнейшая молодежная организация, объединявшая в основном студентов крайне левых взглядов; YIP – «Международная молодежная партия», основанная Джерри Рубином и Эйби Хоффманом, привлеченная к участию в избирательной кампании либерального и пацифистски настроенного сенатора-демократа Юджина Маккарти и организовавшая жестокое побоище с полицией во время предвыборного съезда Демократической партии в Чикаго в 1968 году; расово белая группа леваков-отщепенцев Weathermen (синоптики), организовавшая серию взрывов в Нью-Йорке; афро-американская группа «Черные пантеры», всемерно стимулировавшая насильственные акции черного меньшинства, в частности – против полицейских.

Все эти группы были в высшей степени активны в Соединенных Штатах в период примерно с 1964 по 1975 годы – в годы так называемой молодежной революции, главным социальным мотором которой стали именно различные подразделения обозначенной выше группы интересов.

Их активность стимулировалась (в случае студентов) ощущением с одной стороны – не востребовавшими элитами и затрудненности входа в элиты, к чему стремились молодые интеллектуалы, жаждущие быть проинвестированными, а с другой – угрозой призыва на вьетнамскую войну. Что же касается, например, YIP или «Черных пантер», то они стимулировались факторами, обозначенными выше, в качестве отличительных черт этой группы).

Сегодня доказано, что значительная часть членов национального руководства СДО являлись агентами ФБР и ЦРУ. Кроме того, значительная часть активистов этой организации также была инфильтрована или завербована спецслужбами, для которых было крайне выгодно в тот момент продемонстрировать нестабильность в США на фоне войны во Вьетнаме. В основе лежали устремления американского ВПК, заинтересованного в продолжении «горячей войны» во Вьетнаме и «холодной войны» с СССР и поддерживавшего провоенную республиканскую партию. Следовало сначала представить демократов неспособными установить порядок, повернуть избирателя в сторону более правых республиканцев, а затем (их голосами) привести к власти Ричарда Никсона. Когда же Никсон стал президентом, волна протестных выступлений с применением насилия и разрушения пошла на спад. Однако, когда он показал свою заинтересованность в окончании войны и «разрядке международной напряженности» внесистемная оппозиция была отмобилизована вновь. Однако к этому моменту (после паузы) эта мобилизация не прошла гладко, и был сделан упор на мобилизацию максимально деструктивных сил, вроде террористов из Weathermen и черных расистов из «Пантер».

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

О том, что радикальная деятельность начинает готовиться уже сегодня, а объемы инвестиций в этот сектор постоянно растут, говорят, например, данные о количестве подрывных изданий, увидевших свет в 2002-2003 годах и запланированных к выходу в свет в ближайшее время, а также о их тиражах. При этом имеются в виду не только газеты и журналы, но и книги, совершенно легально рекламирующиеся и продающиеся в магазинах а также - через интернет.

Важно отметить, что значительная часть из публикуемых изданий не имеет характера примитивной пропаганды *контрсистемных* идей. Часто это художественные или публицистические произведения, продвигающие различные альтернативные концепции:

- сатанизм и иные сопредельные культы;
- психоделическую культуру (наркотики как норму);

- психозы как норму;
- неограниченное потребление и в то же время – антиконсумеристские подходы и т.п.)
- создающие специфическое *настроение* и внедряющие специальные *установки*, действующие на подсознание, которые в необходимый момент могут быть активизированы и превращены в мотор разрушительного действия в социально-политическом пространстве.

Приведем примеры такого рода изданий. Ограничимся пока лишь только одним издательством – Ультра.Культура (www.ultraculture.ru) плюс – несколькими профильными периодическими.

Название	Автор	Тираж	Тематика
Антология современного анархизма и левого радикализма	Ги Дебор, Эбби Хоффман, другие леворадикальные авторы	20.000	Обоснование необходимости разрушения современной системы насильственным путем
Восстание среднего класса	Борис Кагарлицкий	5.000	Обоснование неизбежности протестных действий среднего класса
Терроризм изнутри	Брюс Хоффман	5.000	История терроризма и особенности его разновидностей. Скорее не апология, а «просветительский» материал, своего рода учебник
Скины. Русь пробуждается	Дмитрий Нестеров	5.000	Доброжелательное повествование о примитивном подростковом фашизме и восприимчивости молодежи к адаптированным идеям и девизам «национальной революции».
Штурм небеса. ЛСД и американская мечта	Джей Хокинс	5.000	Потребление ЛСД как культура, апология этой культуры и этого препарата, как «генератора безумия» и катализатора прозрения. Как известно, ЛСД всегда был излюбленным наркотиком контркультурщиков и контрсистемщиков.
Американский психопат	Бреет Эллис	7.000	Роман о яппи-маньяке, одержимом изощренным сексуальным насилием, стандартизацией и потреблением
Города красной ночи	Уильям Берроуз	5.000	Апология сексуального насилия, психоза и гомосексуализма
Трави трассу! Сатана! Сатана! Сатана!	Тони Уайт	5.000	Апология массовой культуры, как революционного и разрушительного пространства
Русское психо. Контрольный выстрел.	Эдуард Лимонов	7.000	Призыв к насильственному разрушению системы, программирующей человеческие интересы, стремления, биографии, судьбы.
Журнал «Автоном»	Группа анархистов-	~ 1000	Тема «Автонома» - атака на государство и капитализм

	автономистов		
Журнал «№»	А.Тарасов, Д.Пименов, А.Осмоловский и др.	1000	Тема «№» - Терроризм. В текстах содержится не только оправдание но и апология террора в современных условиях. При чем не обязательно террора, как политического акта, но террора, как жизненной потребности

Здесь важно обратить внимание на два момента:

а). При кажущейся ограниченности тиражей, эти издания (а их только в 2003 году запущено в производство более 50), адресованы совершенно конкретной социальной группе, способной выступить в роли катализаторов, агитаторов и управленцев контрсистемным насилием;

б). Студентам и социально уязвимым слоям адресуются периодические издания. Например - газета «Классовая война» и другие.

В ситуации, когда обусловленная социально-экономическими факторами социальная дестабилизация в политическом и информационном пространстве, окажется в интересах тех или иных групп интересов, они смогут полностью или частично легко задействовать в условиях России практически все подразделения «социально-уязвимой группы интересов».

Причем в зависимости от разработанного ими плана действий, отмотилизовать ее **как под крайне левыми** лозунгами («Социальная справедливость - сейчас!» «Бей буржуев!», «Поднять пенсию в 20 раз!», «Передел собственности - в пользу трудящихся!» и т.п.), так и под **крайне правыми** («Россия для русских!», «Бей жидов и грабь буржуев!», «Черные – вон из России!», «Хачей – в жопу, жидов – в рыло!»). При этом такого рода кампания может сопровождаться не только публичными демонстрационными акциями, но и вполне конкретными насильственными операциями, как это было во время налетов скинхедов на московские рынки или демонстраций, организованных НБП и АКМ, представляющих собой в настоящее время (*пока!*) главный оргресурс и ударный кулак потенциального внепарламентского и контрсистемного социального движения.

Новые цели

Все изложенное в предыдущем разделе может показаться пессимистичным и тревожным. Да, экстремизм, действительно представляет реальную угрозу. Но не только он составляет содержание будущего кризиса.

Главная проблема русской жизни – проблема ценности человеческой жизни и достоинства. Никакое государственное строительство не заменит людям главного преимущества жизни в свободном обществе – множественности и равноценности различных путей честного социального развития и достойной самореализации.

В нынешних российских условиях есть серьезные основания для вывода о том, что подобные принципы утвердятся *в ходе глубокого общественно-политического кризиса. И задача в том, чтобы пройти этот кризис с наименьшими потерями и наилучшими результатами.*

Не так очевидна форма, в которой может протекать кризис. Здесь многое зависит от готовности существующей элиты (или ее наиболее адекватной части) играть на опережение вероятных событий. В любом случае *степень болезненности кризисных событий зависит от способности элиты предвидеть будущее, меняться с учетом этого прогноза и тем самым сохранять консолидирующую роль в обществе.*

Главное противоречие современной России – это противоречие между распадающейся или не сформированной (что функционально не так существенно) субъектностью государства и обретаемой субъектностью общественных групп, институтов и граждан. На повестке дня вопрос об обретении субъектности новой

элитой. Прежде всего, это здоровые силы во власти, крупный бизнес, верхушка среднего класса и ответственная часть интеллектуалов.

В качестве наименее болезненного варианта в России может разразиться нечто подобное западноевропейскому и американскому шестьдесят восьмому году. Тогдашние события сейчас могут быть интерпретированы как движение за обновление элит, за вариативность и альтернативность вертикальной социальной мобильности, вхождения в истеблишмент и за многообразие самого истеблишмента. В нашей стране сейчас зреет нечто подобное – борьба за свой путь в элиту: вне «бригад», федеральных и региональных администраций, коррупции и инициационных унижений. Если угодно, борьба за мультикультурализм истеблишмента, за многозначность толкования успеха, за разнообразие самого понятия «вертикальная социальная мобильность». Вне левой терминологии и левого образа действия подобная социальная активность невозможна, но шестьдесят восьмой год, в конечном итоге, привел к триумфу неоконсерватизма восьмидесятых. Потому что *бунтари-шестидесятники искали путь к утверждению старых ценностей в новых условиях*. Но для того, чтобы в России произошло нечто подобное, необходимы серьезные усилия. Велика вероятность того, что события будут развиваться по отечественному сценарию 1905 или 1917 годов. Или ответом власти на кризис будет нечто подобное 1929 или 1937 годам. Не говоря уже о 1933-м в Германии. Однако исторические параллели условны, а порой и ущербны. Хотя повторы и наблюдаются постоянно.

Реабилитация термина

В современных общественных науках и публицистике, пожалуй, трудно найти более одиозный термин, нежели «революция». Еще на рубеже 80-90-х годов тогдашнее высшее руководство страны, а вслед за ним и ведущие идеологи - от секретаря ЦК до рядового преподавателя обществоведения - дружно заговорили о приоритете «эволюционного пути развития» над революционным. После десятилетий откровенного идолопоклонничества, когда революционная тематика была центральной в любом из видов гуманитарной деятельности - от диссертаций по литературоведению до живописи и кино - революция как понятие и явление оказалась в глухой опале.

В постсоветское время говорить о революции, социальной борьбе применительно как к прошлому, так и к будущему, стало неприлично. Причем не только в праволиберальных кругах, но и в среде так называемой непримиримой оппозиции. Лидеры КПРФ давно отказались от «революционного пути» и используют сегодня преимущественно лексику русского охранительства позапрошлого столетия, пытаясь водрузить на красные хоругви триаду самодержавие – православие – народность, соединив ее с лозунгом «народ и партия едины». Разговоры о «социальном взрыве» в их устах носят характер общего места, текста, положенного по роли. Реальных социальных процессов в современной России «системные» левые не понимают так же, как и их визави из партии власти.

Прежде всего, необходимо определиться, что собственно, под революцией подразумевается. Как ни странно (а может быть, вполне закономерно) десятилетия истерического поклонения культу революции (достаточно вспомнить революционную романтику шестидесятников), не приблизили отечественных интеллектуалов к пониманию сущности революции.

Революция – переворот, кардинальная трансформация всех сторон жизни общества. Начиная с XVI века, вступив в эпоху Нового времени, Европа в течение нескольких столетий пережила мощнейший **трансформационный кризис**, заключавшийся в переходе от традиционного общества к новой форме общественного устройства, суть которой сводится к понятиям «открытое общество» и «свободный мир». **Составляющими этого кризиса были как революция, так и контрреволюция.** Трансформационный кризис подобен бинарному химическому оружию – без обеих составляющих, взаимодействующих друг с другом, он не может иметь результата. Это

особенно ярко видно на примере самой первой революции раннего Нового времени – Реформации, исторические итоги которой не представимы без Контрреформации. Ныне эти два исторических феномена рассматриваются неотрывно друг от друга. И таковы все великие буржуазные революции в Западной Европе, цели которых достигались либо после многолетних потрясений (принятие Билля о правах и Кодекса Наполеона), либо, как в Северной Европе, путем упреждающих реформ, на которые шла элита, не дожидаясь кровавой смуты.

Свобода и доверие, уверенность и ответственность, справедливость и эффективность – вот принципы, которые утверждались в ходе трансформаций Нового времени и ныне составляют основу взаимодействия в триаде личность – общество – государство.

Весьма показательны, что правоту революций подчас понимали их наиболее последовательные противники. Казалось бы, такой человек, как Шатобриан – писатель и виднейший политический деятель эпохи Реставрации, – должен был отличаться полным неприятием всего, что связано с Великой французской революцией. Но он назвал свободу, равенство и братство политическим законом христианства, открывающим новый период истории, который он считал только–только начинающимся в те годы, когда он жил, — в первой половине XIX столетия.

Каждая революция, начиная еще с Реформации, несла в себе и колоссальный реакционный потенциал, возможности традиционалистской реакции. Российский путь не является чем-то качественно иным, он просто до конца не пройден, и у каждой нации, составляющей современную цивилизацию, существуют свои особенности в утверждении основных принципов модернизированного общественного устройства. Но пока, как сказал Итало Кальвино о своей родине, мы остаемся страной, где есть только причины, но нет следствий. Важнейшей особенностью исторического развития России являлось то, что в революциях всегда брал верх именно традиционализм. И если в Западной Европе революционный период завершился «молодежной революцией» 1968 года, а в Восточной – «бархатными революциями» и падением Берлинской стены, то в России все оказалось далеко не так просто. *У нас в очередной раз наблюдается традиционалистская реакция в условиях незавершенной революции.*

Современная Россия: реакция без революции

Главное событие начала 90-х – это уже подзабытый ельцинский указ о свободной торговле. Главный результат прошлого десятилетия – образование слоя новых предпринимателей. Но реальная власть, чтобы там ни говорила пресса, принадлежит не пресловутым олигархам, а **бюрократии и силовикам**, то есть как раз старой элите, не владеющей современными технологиями управления. Приобретенная собственность с учетом специфики проведенной приватизации тоже далеко не бесспорна. Сегодняшнее положение российского бизнес-сообщества больше всего похоже на положение третьего сословия в предреволюционной Франции: деньги есть, а защищенности явно не хватает.

Мало того, «старая элита» норовит возродить «старый порядок» и отобрать у «выскочек» их состояния. В сегодняшней России все более нарастает угроза традиционалистской реакции, уже начавшейся с передела собственности. Угроза эта реальна не только на уровне крупных компаний, но и в отношении любого бизнеса и любой более-менее значимой собственности, включая приватизированные квартиры и загородную недвижимость. Очевидно, что **результаты преобразований последнего десятилетия в России нуждаются в решительной и жесткой защите – это залог дальнейшей эффективной модернизации страны.**

При решении этой проблемы можно говорить о росте, но не только и не столько экономическом, сколько о национальном, который удвоить или утроить весьма затруднительно – он не имеет количественного измерения. Связь этого роста с экономикой определил Людвиг Эрхард. По его словам, «экономическая жизнь людей и народов должна восприниматься не в отрыве от их остальных сфер бытия, а потому и

упорядочивать ее следует не изолированно». Ибо «экономическая система должна быть неидеологизированной в своих методах, но не в своих целях». **Целью же экономического роста может и должно являться обеспечение свободной реализации потенциала каждого россиянина в условиях свободной экономики.**

В основе модернизации Нового времени с самого начала лежал главный процесс – освобождение личности, осознание индивидом своей субъектности. Как результат, взрыв частной инициативы. Не пресловутые народные массы, а именно личность, осознавшая собственную самоценность, становилась двигателем и топливом любой социальной революции. Отсюда и «Бунтующий человек» Камю, отсюда и революционный выбор студенческой молодежи 1968 года, основанный на личном выборе в пользу личной свободы («живу, как хочу»). Без четко выраженного личностного начала революция оборачивается в собственную противоположность.

Чем раньше та или иная страна становилась на путь модернизации, тем менее болезненно ее проходила. Английская революция XVII века была менее кровопролитной, чем революция 1789 года во Франции. Ряд стран и вовсе совершил переход к новой цивилизации почти бескровно (Северная Европа тому яркий пример). Там же, где традиционные институты оказывались особенно сильны, где ростки новых отношений постоянно вытаптывались «консервативными реформаторами», революционный процесс растягивался во времени и приводил к гораздо большим жертвам. Так и Россия, бывшая оплотом «старого порядка» в XVIII и XIX столетии, пожалуй, самым стабильным государством Европы того времени, в веке XX показала всему миру невиданный по размаху гражданский конфликт.

Еще одна особенность догоняющей модернизации – постоянная угроза консервативной реакции на инновационные процессы в обществе. В частности, в России после кризиса 1917 года произошла ограниченная модернизация: индустриальный прорыв и урбанизация происходили на фоне укрепления тоталитарных форм правления. Политический режим СССР, безусловно, есть продолжение и многократное усиление традиции полицейского государства и традиционных общественных отношений. Помимо очевидной эксплуатации монархической стилистики в управлении страной в отдельные периоды советской истории наблюдалось частичное возвращение к практике крепостного права (лишение крестьян паспортов и ограничение права на добровольное увольнение промышленных рабочих в 30-40-е годы, возвращение к практике «черты оседлости» в 40-50-е годы, поддержка государством репрессивных норм морали). Угроза сведения на нет модернизационных усилий – красная нить новейшей российской истории.

«Борщ и компот в одном ведре», - так характеризует нынешнюю российскую ситуацию один из самых последовательных реформаторов современной России. И дело тут не только в смешении триколора со сталинским гимном. Процесс трансформации страны не завершен. Он лишь вступает в свою решающую стадию. Часть бывшей элиты, обделенная при разделе «общенародной собственности», зависшая в силовых (в том числе и криминальных) структурах и после смены президента переместившаяся во властные и коммерческие организации пытается взять реванш в форме передела собственности. Тут вполне уместны сравнения с ГКЧП, поскольку в него, как говорилось еще в августе девяносто первого года, сразу после первых заявлений путчистов, входили люди, очевидно не нашедшие себе места в складывающихся рыночных отношениях. Потенциальная опасность, исходившая от тогдашних заговорщиков и от нынешних реваншистов, чрезвычайно велика – они не имеют никаких моральных ограничений, начисто лишены каких-либо позитивных ценностных установок и принципов поведения. Единственное, что их ограничивало в 1991 году и ограничивает сейчас, это их технологическое (во всех смыслах) невежество, незнание реалий современного мира.

Но, в отличие от начала девяностых годов, у них есть социальный резерв – это экстремистские силы и ослабленный общественный иммунитет, неспособность общества отторгнуть экстремизм. Плюс к этому полное отсутствие и у реваншистов, и у их потенциальных союзников чувства ответственности. И возможный переход к «активным

мероприятиям», как принято говорить в спецслужбах, датируется 2005 годом, конечно, не потому, что будет отмечаться столетие первой русской революции, а по другой причине. После публичных заявлений Владимира Путина о соблюдении Конституции по президентским срокам и после неминуемой (как пока еще кажется) победы на выборах 2004 года должен начаться яростный дележ наследства президента, внутривидовая борьба с прицелом на 2008 год.

Впрочем, начало этой борьбы фактически уже положено недавним арестом руководителя крупной нефтяной компании и последовавшим за этим арестом острым кризисом в верхах российской власти. Тем более важно понять, каковы могут быть реальные последствия передела собственности, за какое наследство идет столь яростная борьба для самих реваншистов.

Нефть, нефтяная отрасль являются важнейшим смыслообразующим элементом общественной рефлексии, политического целеполагания и экономического поведения. И поводом для социального, экономического и политического мифотворчества.

Общие темпы роста российской экономики отнюдь не обязательно коррелируют с ростом нефтяных цен. В 2000 году, несмотря на то что цены на российскую нефть достигли своего пика (11 сентября Urals стоила более \$35 за баррель), темпы роста упали почти вдвое. Дело в том, что излишний приток нефтедолларов увеличивает реальный курс рубля, а значит, и цены на отечественные товары. В 2002 году кривая цен на Urals в целом была благоприятна для российской экономики. Средняя цена составила около \$24 за баррель. Это позволило Минфину выполнить все бюджетные обязательства и накопить резерв для погашения в будущем году внешнего долга.

Государству в этой ситуации остается лишь прибегнуть к стерилизации значительной части средств, поступающих от нефтепродажи, в стабилизационном фонде. Алексей Кудрин, обосновывая эти действия, ссылаясь на опыт ОАЭ (АиФ, 2003, №40), то есть на **практику богатой, но не развивающейся страны**.

Аналитики инвестиционных компаний и банков не склонны пока делать выводы о том, что сформировалась устойчивая тенденция к сокращению «лишних» денег в экономике. По их мнению, пока цены на нефть остаются на рекордно высоких уровнях, нефтедоллары продолжают притекать в Россию, и ЦБ волей-неволей придется печатать рубли для стерилизации избыточной долларовой массы. Как бы то ни было, смысл концепции стабилизационного фонда в том, что **нефтедоллары текущему росту российской экономики помочь не могут**.

А главное, надежды на захват трубы, откуда сами собой повалят купюры, могут и не сбыться в силу *двух причин*.

Первая – общее состояние отрасли, требующей значительных капиталовложений, особенно в разведку и полностью зависящей от международных цен на нефть.

Вторая связана с последствиями захвата собственности, который может привести к падению фондового рынка (как это было в первый день после ареста Михаила Ходорковского). В сочетании с уже указанными проблемами отрасли это может поставить новых хозяев в положение кризисных менеджеров, на что они, как показывает опыт Сибура, Газпрома и других компаний, совершенно не способны. Реваншистам придется остаться один на один с целым комплексом финансовых, менеджерских и социальных проблем, чреватых острейшим общественным кризисом.

В развитых странах функцию социального стабилизатора в таких кризисах выполняет средний класс. В России, однако, вызывает сомнения сам факт его существования.

Очень средний класс

Западными наблюдателями весьма оптимистично оцениваются перспективы российского среднего класса. Как писала The Financial Times накануне недавнего визита

В. Путина в США, «сильная российская экономика начинается в семье». Розничный оборот 2003 года, подчеркивает газета, может составить 150 млрд долларов.

Но при этом британская газета подчеркивает, что сильные стороны российских потребителей неразрывно связаны со слабыми сторонами экономики. Во-первых, неожиданно высокий свободный доход свидетельствует о годах накопления денег «под матрасом», в том числе за счет «серой» экономики. По оценкам некоторых аналитиков, нынешний ВВП в России составляет почти 450 млрд долларов, что на 40% выше официальных цифр. Во-вторых, сильная склонность к приобретению свидетельствует об отсутствии разумных каналов накопления и инвестирования. Наконец, невысокий уровень долгов говорит об отсутствии развитой системы потребительского кредитования. На то, чтобы это изменить, нужно время. Рост потребительского сектора будет способствовать этому процессу и облегчит его. Потребители являются естественными сторонниками рыночных реформ и атмосферы бизнеса, обеспечивающей предсказуемость, прозрачность и зажиточность. В рыночных экономиках средний класс является двигателем перемен.

В России средний класс не так давно был назван «человеком-невидимкой». О его существовании знают, прежде всего, субъекты потребительского рынка. Как писал еженедельник «Компания» (13 октября 2003), «компании не знают, как выглядит средний класс, но знают, как на нем заработать».

В сентябре 2003 года интегральный индекс деловой активности (рассчитан Ассоциацией менеджеров России) продемонстрировал уверенный рост. Причем выросли все без исключения отраслевые компоненты индекса, что свидетельствует об улучшении ситуации во всех областях российской экономики.

Интегральный индекс деловой активности за сентябрь вырос на 1,3% и достиг значения 144,2 пункта. Промышленный субиндекс вырос на 2,4%, что превышает как его рост за предыдущий месяц, так и рост индекса ресурсной базы за сентябрь. Опережающий рост промышленного индекса по отношению к ресурсному позволяет с большой долей уверенности утверждать, что в стране начался переход от сырьевой к технологической модели развития.

Потребительский субиндекс, как и в предыдущий месяц, показал рост. Значение индекса достигло своего годового максимума в 260 пунктов. Возможно, что росту потребления способствует неуверенность населения в стабильности курса американской валюты (основной денежной единицы в которой до сих пор хранит свои сбережения средний россиянин) по отношению к евро и рублю, а также дефицит рублевой ликвидности, сложившийся в конце сентября. Поэтому экономические субъекты не только предпочитают потребление сбережению, но и начинают осуществлять потребление на долговой основе, что отражает развитие потребительского кредитования.

Но при этом российские исследователи трезво оценивают функции российского среднего класса. Независимый институт социальной политики в сентябре 2003 года представил коллективную монографию «Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии».

Средний класс исторически определяется как некоторое социальное образование, которое имеет социально-профессиональные характеристики. Первое - показатель доходов или материально-имущественные характеристики в более широком плане. Это свойственно экономическому подходу. Второе, это социально-профессиональный статус. И третье - самоидентификация.

Всеми тремя критериями обладает небольшое число российских домохозяйств – это около 7% населения. Но комбинация двух из трех критериев – это уже около 20% российских домохозяйств, российских семей. Вот почему совокупный обобщенный средний класс равен примерно 20%. Эти люди демонстрируют принципиально другие – инновационные - практики поведения. То есть более активное поведение на рынке труда, в финансовом секторе, в потреблении и т.д. Было бы преувеличением считать, что это полностью самостоятельные группы, но они гораздо в большей степени ориентируются на

свои собственные ресурсы, на свои собственные силы, нежели на ресурсы государства и или других экономических субъектов.

Если говорить о происхождении среднего класса, то можно дать еще одно определение: это те группы, которые на протяжении последних десяти лет смогли приспособиться, адаптироваться к самым различным социально-экономическим условиям. Главная их черта – высокая адаптивность. Средний возраст этих групп – от 30 до 35 лет.

Было бы весьма заманчиво соотнести эту цифру – 20% - с теми девятнадцатью, что, согласно упоминавшемуся опросу ВЦИОМ-А, готовы принять участие в политических акциях в случае существенного ухудшения их социально-экономического положения. Однако средний класс не демонстрирует значимой политической активности (свидетельство тому – постоянное снижение явки избирателей на выборах в крупных мегаполисах – средоточии российского среднего класса). Однако и необыкновенной законопослушностью средний класс тоже не отличается. В последнее десятилетия российский средний класс был вынужден пользоваться различными («черными», «серыми») адаптационными схемами. То есть уходил от важнейшей функции среднего класса – функции исправного налогоплательщика. Так что было бы преждевременным ждать от среднего класса осознания высокой миссии политического гаранта, тем более что инструментов воздействия на состояние общества у российского среднего класса пока почти нет.

Острейшая социальная проблема среднего класса связана с его старением. Поскольку ныне пенсионная и финансовая система не создают сколько-нибудь надежных институтов и механизмов накопления на будущую пенсию, российские средние классы мотивированы **как можно дольше оставаться на рынке труда**, пока это позволяет здоровье, уровень квалификации и конкурентоспособности. Между тем, как показывают исследования социолога Валерия Якубовича, профессора бизнес-школы Чикагского университета, рынок труда в России не развит. Закрытость рынка не может не влиять на оплату труда. О «рыночной цене специалиста» в России говорить проблематично, считают чикагские исследователи. Зарплата устанавливается по аналогии, рыночные инструменты регулирования зарплаты здесь не работают. А предметом торговли зарплата становится вообще крайне редко - лишь в 5% случаев.

Есть и другой важнейший аспект: пока не проведены важнейшие реформы в области социального обеспечения, то есть пока государство не создает партнерские отношения меж собой, гражданами и финансовыми институтами, средний класс будет демонстрировать тенденции к стагнации и замкнутости, создавать дополнительную напряженность, противиться развитию цивилизованного рынка труда, оздоровлению социальной структуры.

При этом российский средний класс будет расти. Если признать, что за рубежом в развитых экономиках средний класс составляет до 70-80% общества, то при условии успешного социально-экономического развития в ближайшие годы предел роста среднего класса в России составляет только 50%.

Столь большое внимание рынку труда вполне оправданно. Дело в том, что в массовом восприятии понятие «средний класс» до сих пор связывается с мелким и средним бизнесом, который премьер-министр Касьянов на одном из заседаний правительства назвал «малышами». Это отголоски «лавочной утопии», ожидания чуда от мелких производителей, торговцев, ремесленников. Однако в России, в отличие от развитых стран, такого рода бизнесы роста не обеспечивают, ибо в массе своей способны лишь к простому воспроизводству – экономическому и социальному. И дело даже не в их слабой финансовой защищенности и малых диверсификационных возможностях, а в том, что малый и даже средний бизнес, как правило, не предоставляют новому поколению возможности для социального роста, ограничивая его семейными и локальными рамками.

Нынешний средний класс формируется крупными корпорациями, под которым следует понимать не только компании, но и корпорации региональные, формируемые в рамках городских и областных, шире – территориальных – властно-собственнических

структур. Вместе с корпорациями средний класс криминализировался, вместе с ними преодолевает собственную криминальность.

Так что парадокс функционирования российского среднего класса заключается в том, что при ориентации на самостоятельное экономическое и социальное существование и поведение он **в наибольшей степени, по сравнению с другими социальными группами, зависит от стратегических государственных решений.** Точнее, зависит его общественная роль. Например, средний класс будет платить налоги, если налоговые реформы будут разумны. В противном случае он сможет найти мощные теневые схемы. Реформы ЖКХ, здравоохранения, образования подразумевают увеличение доли платных услуг со стороны населения. Если среднему классу будет гарантировано приращение качества этих услуг, - он поддержит эти реформы. Если нет, он вновь продемонстрирует свое умение адаптироваться и находить обходные технологии для решения своих проблем.

В политическом отношении средний класс не имеет единого представительства. Как показало исследование Romir-Monitoring, проведенное летом 2003 года, в целом симпатии среднего класса разделены меж СПС и «Единой Россией», но, по словам исследователей, «СПС не верит в Россию, а «Единая Россия не верит в свободу». А главное – исследование показало, что российский средний класс считает **наиболее приемлемой для России такую форму государственного устройства, как парламентская республика.**

Из этого следует, во-первых, что в ближайшее время вполне возможно недовольство не столько лицами во власти, сколько самой формой ее организации. А во-вторых, то, что средний класс отдает предпочтения наиболее безличной и безответственной форме государственного устройства.

И это лишний раз свидетельствует о том, что **средний класс по природе своей не может быть лидером. Он может быть только ведомым элитой.**

Объективные и субъективные характеристики российского среднего класса делают бессмысленными все попытки превратить его в такой же культовый персонаж политической жизни, как и экономический рост. Прежде всего, средний класс недостаточно субъектен, вял, зависим от стратегических решений власти, но при этом не считает нынешнее государственное устройство идеальным, то есть уже склонен к формированию самостоятельных политических устремлений. При этом **никто и ничто не гарантирует иммунитет среднего класса к экстремистским лозунгам.** Как и в нацистской Германии, он может поддержать ариизацию (применительно к России – славянизацию) крупной собственности, а то и просто принять участие в погромах.

Экономически средний класс, разумеется, во все большей степени формирует потребительский рынок, но при этом его собственное экономическое положение в самой высокой степени зависит от крупных корпораций, в недрах которых он и складывается.

В любом случае поворот в положении среднего класса будет зависеть от позиции **крупного бизнеса, который пока является единственной силой, более всего приблизившейся к обретению общественной и политической субъектности. То есть собственно элитой.**

Но элита не является замкнутой. Ее составляющей частью становится высший слой среднего класса – наиболее динамичная и перспективная часть общества. Он идет на смену олигархии и потому крайне заинтересован в динамичном развитии общества, в дальнейшей модернизации, если угодно, в осуществлении программы буржуазно-демократической революции. Пока эта группа лидирует в процессе, который можно назвать «побелением серого среднего класса», то есть в постепенном переходе к экономической прозрачности и социальной ответственности.

Заключение

Можно прогнозировать ситуацию, исходя из нынешнего уровня развития российского социума, - атомизации общества, слабости и неустойчивости среднего класса, ограниченности, разобщенности и нерешительности крупного капитала. Но гораздо плодотворнее строить прогноз, принимая во внимание **изменчивость этих и иных факторов**. И в таком случае видение будущего становится более объемным, разносторонним и не столь печальным. Хотя и остается тревожным.

Предстоящий кризис датирован нами 2005-м годом, конечно, не в честь столетия первой русской революции. Именно к этому времени должны дать результат три важнейших фактора, влияющих на развитие событий:

- *Еще до событий конца октября 2003 года можно было прогнозировать обострение внутривидовой борьбы в ближайшем окружении президента с расчетом на выборы-2008. То есть сразу же после начала второго срока Путина он, пользуясь американской терминологией, превращался в хромую утку. Сейчас, когда есть основания предполагать, что конституционный строй в России будет изменен, все равно следует ожидать новых схваток в борьбе за передел захватываемой собственности. Возня вокруг лицензий ЮКОСа и аресты в Министерстве природных ресурсов свидетельствуют о том, что эта борьба уже началась. Причем лидерство президента в новом переделе не очевидно.*
- *Столь увлекательное занятие, как дележ экспроприруемого, не оставит власти ни времени, ни сил на организацию должного управления как новой собственностью, так и государством в целом. Опыт губернаторов-силовиков показывает, что их недееспособность становится очевидной через год-другой после прихода к власти, когда от реорганизации следует переходить к решению текущих социальных, экономических и политических проблем. Есть высокая доля вероятности того, что к 2005 году некомпетентность федеральной власти достигнет критического уровня.*
- *Что же касается региональных властей, то на 2005 год намечена реформа, которая приведет к формированию в стране 24 тысяч муниципальных образований, у которых, по оценкам фонда «Институт экономики города» останутся нефинансируемые обязательства в размере 352 миллиарда рублей. Тем самым будет уничтожена государственная субъектность в рамках традиционного, исторически сложившегося губернского деления, произойдет раздробление страны с последующим **внутренним дефолтом**.*

Рассуждения о желательных моделях политического поведения, а тем более конкретные рекомендации по этому поводу, в России до сих пор связаны с серьезными моральными проблемами. В таких ситуациях вспоминается колымский закон, о котором писал Варлам Шаламов, - никогда не спрашивать и не давать советов. Ведь мы живем в стране, где для всех социальных слоев важнейшим регулятором поведения является не просто страх, а **страх физический**. Вполне, кстати, оправданный.

Другой существенной особенностью общественно-политического моделестроения является то, что в России обычно пишутся и разыгрываются сценарии, предусматривающие если не уничтожение, то устранение, нейтрализацию одной или нескольких сторон, участвующих в конфликте. И, само собой разумеется, что вся ответственность за конфликт возлагается на устраняемых.

Но наиболее продуктивным представляется сценарий, который, по существу, никогда не разыгрывался в России, - сохранение всех участников при существенном изменении хода игры, а значит ее результатов. Это очень сложный путь. Но из того, что чего-то никогда не было, не следует, что этого не может быть никогда.

У грядущего кризиса есть одна важнейшая особенность, отличающая его от предыдущего. Если реформы девяностых годов начались в условиях, когда терять почти всему населению было нечего, то сейчас дело может дойти до перераспределения уже имеющейся у граждан собственности – от крупных компаний до квартир. И сил, которые жаждут этого передела, более чем достаточно. Высшая государственная власть ограничить их не сможет. Особенно если будет осуществлена попытка «разбудить спящего медведя» - обратиться с экстремистскими лозунгами к пока еще пассивному населению или к уже активным политическим силам крайнего толка. Поэтому весьма опрометчиво поступают те, кто затевает игру со спичками, сидя на бочке с бензином или иным горючим веществом. **Ни у кого нет гарантий того, что новая русская смута окажется управляемой.**

Смута в обществе начинается со смуты в умах, с неприятия власти «неприродного царя». Начав в октябре 2003 года атаку на крупную собственность, реваншистские силы начали дискредитацию государственных институтов, их превращение в инструмент, служащий групповым интересам. Реваншисты также могут обратиться к внесистемной оппозиции, выдвинуть лозунг «грабь награбленное», который, скорее всего, будет иметь несколько иное оформление. Вероятно, что это будет «славянизация собственности», вроде нацистской «ариизации». Но это логика большевиков-экспроприаторов или ремовских штурмовиков, ибо ни один передел собственности не бывает окончательным. Каждый, кто ввязывался в прошлом веке в подобные авантюры, исходил из того, что «только за ним не придут», «именно у него не отнимут», «его одного не убьют». Но приходили, отнимали и убивали. Такова логика революций и переворотов еще со времен Кромвеля и Робеспьера.

Альтернативой новой русской революции может стать опережающая модернизация на базе соглашения между противоборствующими группами. А позитивная программа будущих социальных трансформаций, к которым Россия подойдет после кризиса, представляется следующей:

- *Переход от догоняющей модернизации к опережающей;*
- *Политико-правовое закрепление прав собственников и инвесторов;*
- *Качественные изменения в воспроизводстве элиты – расширение возможностей вертикальной социальной мобильности;*
- *Диверсификация экономики, освобождение от сырьевой зависимости к развитию внутренней политики.*

Технологическое решение этих стратегических задач может быть осуществлено при условии серьезных качественных изменений в интеллектуальном и моральном развитии российской элиты, формирование которой только начинается, а потому и вход в нее должен оставаться открытым для всех.